

Жизнь и работа просвещенца.

О СВЯЗИ С НАСЕЛЕНИЕМ.

(Заметки сельской учительницы).

На шадринских окружных курсах по переподготовке просвещенцев, где каждый лектор, которых, кажется, числом было больше двадцати, в заключительном своем слове напоминал работникам просвещения, какие великие и огромные задачи и обязанности возлагаются на просвещенцев в деле выполнения заветов В. И. Ленина в области народного образования. В ответ на это работники просвещения в свою очередь высказали желание работать серьезно и вдумчиво в том направлении, в каком нужно работать им в деле укрепления рабоче-крестьянской республики. Но выполним ли мы свои задачи? Вопрос этот очень серьезен и требует всестороннего обсуждения. Поэтому считаю нелишним высказать некоторые свои замечания по поводу этого.

В настоящее время общих интересов, всего более способствующих сближению школьного работника с массой деревенского населения, очень мало. Школьный работник, живя в деревне, вращаясь между крестьянами, остается все-таки отчужденным от крестьянской среды. Есть школьные работники очень преданные своему делу, но много ли между ними таких, которые вполне сжились со своей ролью, которых не тянет прочь от деревни, от темной крестьянской массы хотя в те углы, где более или менее культурнее население и где самому просвещенцу можно встретить товарища себе подобного? Скука и полнейшее одиночество обыкновенно тяготят и гонят нас иногда даже людей с крепкою волею, с любовью и к делу, и к народу.

И такое настроение, надо заметить, разделяют нередко даже те просвещенцы, которые сами вышли из среды крестьян. Причина такого явления есть оторванность шк. раб. от тех естественных занятий землею, которые только могут сблизить его с крестьянином. Один труд—одни интересы.

Крестьянин его поймет, а он—крестьянина. В настоящее время шк. раб. в деревне даже в лучшем случае—только чужой, пришлый в деревню работник. Займись же он каким-нибудь крестьянским делом, отношения крестьян к нему переменятся. Крестьянин будет видеть в нем отчасти уже своего человека.

Уже и этого будет достаточно, чтобы немножко скрасить нравственное спокойствие самого школьн. раб. и он уже не будет находиться под гнетом скуки и пустоты. Насколько видно, у нас каждый год бывает по тем или иным соображениям переброска работников, что мешает заняться практическим крестьянским трудом и сближению с населением.

Работник, который проявил свою активность, всегда перебрасывается на более видный пункт работы и наоборот. Замечается то явление, что все передовые и боевые работники ютятся в городе или около него, а более отсталые заброшены в самые глухие углы.

Жизнь и времяпрепровождение «в городе» существенно отличается от образа жизни в деревне. Условия работы в глухих углах гораздо тяжелее и темные углы очень нуждаются в более сильных работниках, но, к сожалению, таковых там не имеется. Чтобы выполнить все задачи, возложенные на шк. раб. нужны лучшие условия. В темных углах встречается масса преград, тормозящих работу. Тяжелые условия не только оставляют глубокий след умственного отупения, но также и действуют на наружный вид жителей этих углов, что видно было из заметки в журнале «Путь Просвещенца» в статье «Раньше и теперь», где автор этой статьи заметил в наружности сельской учительницы что-то особенное «специфическое»—в ее костюме, в манере держать себя, описать которое он отказался за неумением, но которое по словам его сразу бросается в глаза.

каждому. Причина такого явления есть та, что сельская учительница, живя долгие годы среди крестьянской массы, не заметно для себя перенимает все окружающее: манеры, жаргон и т. п., а тяжелые условия не только кладут известный отпечаток на наружность, но и коренным образом определяют весь склад умственной жизни. В то время, когда в городе идет оживленная умственная работа, в деревне, зачастую, не с кем поделить мыслями. Вот почему и замечается недостаток в багаже знаний сельской учительницы и манере держать себя. Дайте нам возможность возвращаться чаще среди более развитых товарищей, чаще прослушивать курсы и больше литературы—мы не будем робкими при встрече с городом и выполним все задачи, возложенные на нас в деле коллективного строительства коммунистического общества.

Учительница Кабанской школы
М. Попова.

От редакции: Вопрос, поднятый т. Поповой носит большой общественный характер. На страницах „Пути Просвещенца“ этот вопрос отчасти уже поднимался; сами просвещенцы с низов должны дать ясный и точный ответ на него. Правда-ли, что „в настоящее время общих интересов у школьного работника с массой деревенского населения очень мало“? Правда-ли, что школьный работник, живя и работая среди крестьян, осужден остаться „чужим в крестьянской среде“?—Учитель одного из глухих уголков Округа тов. Мотовилов, например, как видно из его статей, помещаемых в настоящем номере журнала, на эти вопросы смотрит иначе, чем тов. М. Попова. Редакция ждет откликов на это вопросы со стороны читателей журнала.

Из воспоминаний о работе в деревне.

Теперь так много говорится о разрешении вопроса правильной постановки культ. работы в деревне, о сближении учителя с крестьянской массой. В силу этого, я решила поделиться с т. т., работающими на просвещенском фронте, тем практическим материалом, который считаю необходимым для каждого в этом деле.

Начала я свою культурную работу в тяжелые, голодные годы, не имея педагогических знаний и опыта, ни средств, ни пособий для школьного дела.

В первый 1921-22 учебный год моей работы в школе ликвидации безграмотности учеников было 26 человек, из которых 4 ученика читали, половина остальных была неграмотна, а другая половина разбиралась по складам и одной букве. Выпросив у знакомых учителей соседей некоторые руководства для обучения грамоте, а из пособий: два разных букваря, пять разных-же сборников и хрестоматий по русскому языку, пять обломков от аспидных досок с такими-же грифелями, пять ручек с испорченными

перьями и классную доску, и своими силами приготовив разрезные азбуки для всех начинающих, лото-нумерацию, лото-таблицу умножения, книжечки с необходимыми правилами русского языка и русскими мерами, гусиные перья, свекольные чернила, оборудовав классную комнату скамьями и столами—я начала занятия в школе.

Не имея ни опыта, ни знаний,—как я уже говорила выше,—и занимаясь в одной пятиаршинной квадратной комнате с распущенными и невоспитанными в смысле самодисциплины детьми,—к тому-же в борьбе за свое личное существование,—в первое время, или вернее дни, у меня опускались руки и я думала, что ничего не выйдет. Но скоро ученики и я вместе с ними усвоили школьные правила и так заинтересовались занятиями в школе, что занятия часто затягивались по желанию учеников дольше определенного времени и дело пошло потихоньку—помаленьку на лад. И через два м-ца, к моему великому удовольствию, дети в группе неграмотных умели читать, писать и решать задачи чуть-ли не